

В.С. Кузнецова
Институт филологии СО РАН

**Легендарные сказки из фольклорной коллекции
Государственного архива Новосибирской области:
Сюжеты «Кумова кровать» и «Образ-порука»***

Предлагаемая работа продолжает описание и публикацию материалов фольклорной прозы из хранящегося в Государственном архиве Новосибирской области собрания М.Н. Мельникова [Кузнецова, 2002, с. 74-77; Кузнецова, 2003, с. 71-76]. Эта ценная фольклорная коллекция, к сожалению, пока еще плохо описанная, содержит материалы, локализованные границами Новосибирской области и прилегающих территорий Западной Сибири и Алтая за период с середины 60-х до начала 90-х г. XX века.

В настоящей статье представлены тексты легенд, сюжеты которых определяются указателями фольклорной прозы как сюжеты легендарных сказок [АаTh 750-849; СУС 750-849].

Легенда «Кумова кровать», записанная 2 июля 1988 года в г. Новосибирске И.С. Буртаевой от Воротынцевой Акулины Агафоновны (1909 г.р., уроженки Пензенской губ.), представляет собой вариант сюжета «Кумова кровать (Разбойник Мадей)»: ребенок продан черту; обращается за помощью к куму сатаны (разбойнику), причем кум узнает об ожидающей его страшной кровати; кум сатаны кается и получает прощение [АаTh 756В; СУС 756В: 9 русских вариантов, 27 украинских, 8 белорусских]. В классическом собрании русских легенд А.Н. Афанасьева сюжет читается в варианте [Афанасьев. Легенды, № 27].

Среди указанных в СУС русских вариантов этого сюжета нет ни одной сибирской записи. Известен только один сибирский (точнее – уральский) вариант (записан Н.Е. Ончуковым в 1926 г. в д. Саморяны Тавдинского р-на Тюменского округа Уральской обл. от М.Я. Богданова, 76 лет), где указанный сюжет представлен лишь частично [Ончуков, 2000, № 62 = Ончуков, 1996, № 87]. Таким образом, выявленный нами в составе фольклорной коллекции М.Н. Мельникова вариант легенды – практически единственная известная сегодня фиксация этого сюжета русской фольклорной традицией в Сибири.

Наряду с основным сюжетом – «Кумова кровать» – публикуемый ниже текст содержит также мотивы «Отдай, чего дома не оставил» (СУС –811*, ср.: 313А) (в начале рассказа) и (частично) «Смерть-кума» (СУС 332): бедняк (солдат) становится лекарем; когда Смерть в ногах у больного постель больного поворачивают, чтобы Смерть оказалась в голове. Последнее обстоятельство примечательно как необычностью контаминации 756В+332 (в числе традиционных для восточнославянского фольклора такая контаминация в СУС не отмечена), так и тем, что сюжет «Смерть-кума» пока не был выявлен среди опубликованных восточнославянских сибирских записей.

---

* В.С. Кузнецова, 2003

* Публикация подготовлена в рамках проекта «Русский этнос в Сибири: сохранение и трансформация культуры» по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

Легенду, как позволяют уточнить полевой дневник и сама магнитофонная пленка, собирательница записала от своей бабушки, которая настойчиво повторяла, что все рассказанное было на самом деле. Текст публикуется по сделанной нами расшифровке магнитофонной записи (ГАНО, ф. М.Н. Мельникова, Т. 383).

[Кумова кровать]

Жили-были мужик с бабой. У их детей не было. А у мужика была сестра боуата, и у ей тоже детей не было никого. Вот она и пишет своему брату: «Братец, приезжай, я скоро умру, у меня много золота – заберёшь яво к себе». Ну и брат поехал к ей, за золотом. Приехал к ей, побыл у ей в гостях, уехал. Она ему отдала это золото. Поехал он домой. Яму ехать довелось ночью через озеро. И в двенадцать часов из озера выходит чорт: «Стой! Я тия не пушшу. Отдай, чо дома не знашь!» (А он долго был, ездил, туды большая дорога, раньше не было машин – ездили... пешком ходили. Пока он ездил, у яво родился там сын). «Отдай, чаво дома не знашь!» А он не знат, что сын родился, он и говорит: «Всё я дома знаю, у меня нет ничаво дома. Тока что жана». – «Ну, вот и отдай!» Он согласился. «Распишишь своей кровью!» – Он расписался. Ну, он яво пропустил.

Он приезжат домой, жана яво вышла, встречат. Рада, что муж приехал: «А погляди-ка, муж, у меня сын какой родился!» А мужу это стукнуло в сердце: он яво отдал чорту и кровью расписался. Муж повесил голову, запечалился. А жана и говорит: «Чо это ты? Не рад, видно, что сын у нас родился? Какой ты стал угрюмый и невесёлый». Он ей не сказывал. И всё время печалится.

А сын растёт уж не по дням, по часам, хороший сын. Боуатства много (золота привёз!) Всё! Накупили, открыли лавочку. Боуаты! А муж знай печалится. Она всё-таки, жана, добилась, выпросила, что он печалится, и она с этой сухоты умярла.

Остались оне с сыном. Живут с сыном, сын опять спрашивает: «Отец, что ты какой печальный? Всего у нас много, а тея всё ничаво не радоват». Он яму и сказал: «Сын мой милай, я тея отдал чорту. Вот так и так». Сын и говорит: «Ну, теперь, отец, проишай. Я от тея ухожу. Пойду свою душу выключать. Я этим не доволен, что это ты меня отдал чорту». Сын ушёл от яво: «Буду ходить мытáрить по лесам, по плохим местам, чтобы мне... чтобы меня живого не было».

Ну, он ходил-ходил по лесу. Нашёл пеишеру и думат се(б)е: «Пойду в эту в пеишеру взойду, что там?» (Он и не боялся, что он погибнет, не хочет он чтоб чорту отдал его...). Зашёл в пеишеру, а в пеишиере сидит девица, спрашивает яво: «Почаму, молодой парень, ты суды попал? Вот, – говорит, – если придёт суды чародей (тут живёт чародей), те плохо будет». Он ей рассказал, по какой причине он зашёл туды. «Меня, – говорит, – отец отдал чорту. Вот по эткому случаю. Я, – говорит, – не хочу, чтобы моя душа была у чорта. Я пошёл мытáрить. Буду живой, ай може это всё исправлю». Она и говорит: «Ну, ладно. Садись, – говорит, – у меня вот есть такое помешение, я тея запру. Счас, – говорит, – он явится».

Ну, токо она его туды заперла, в ту комнату, идёт чорт: «А что такое? Хто то был?» (Сразу заметил!). Она и говорит: «Распишишь кровью, я тее тода скажу». Чародей живо расписался. (Это не чорт был, а чародей). Расписался. Она и говорит, вот так и так: «Зашёл суды к нам молодой человек, и он идет вот по этим случáем суда. Можно, говорит, душу выключить?» Он и говорит: «Раз такое дело – расписался, можно», – говорит. Ну и, оне сказали яму, чтоб он вышел. Вышел он, с нём поздоровился. «Вот, – говорит, – в двенадцать часов пойдём».

Пришло двенадцать часов, оне пошли искать это место, де можно было

яму душу выключить. Пришли ночью в лес, там горит костёр. Страшно огром-
най! И у костра сидит чорт с рогами! А парень спрятался (он яму этак велел), а
подходит чародей:

– Здравствуй, кум!

– Здравствуй! По какому случаю ты пришёл ко мне?

Он и говорит, чародей:

– Распишись своей кровью, – скажу.

Чорт тут же расписался.

– Вот, – говорит, – пареньку в животе ишо у матери чорту отдали душу.

Можно её выключить?

Чорт и говорит:

– О-ой, ты мне вопрос чижёлый задал.

(А некуда деваться – расписался!) И давай чертей гонять, и давай чертей
гонять. Черти пла-а-ачут. Он их бил-бил, просит у их роспись, оне не отдают.
Тут и говорит чорт: «На кумову кровать!» Один чертёнок из икры отдал – в
икру затолкал, в ногу, роспись ту. Отдал. Ну, оне и пошли домой.

Приходят туды, к этой девице, где там она сидела в пешиере. Пришли, она
спрашивает: «Ну, как вы, чаво там? У вас дело исполнилось?» – «Исполнилось. Би-
ли-били, – говорит, – чертей, никак не отдавали роспись, как сказали: «На кумову
кровать, так, – говорит, – чертенок отдал из икры». А тут она, девица, им и за-
даёт вопрос: «А вам, – говорит, – не интересно узнать, что за кумова кровать?»
Оне говорят: «Интересно. Почаму, как били – не отдавали, а этот...» – «Вот, –
говорит, – ты иди опять к чорту и попроси опять, чтоб он кровью расписался.
Он, – говорит, – тебе покажет, что за кумова кровать».

На другую ночь оне пошли опять в двенадцать часов к этому месту. Опять
чорт сидит на троне, костёр горит страшной.

– Здравствуй, кум!

– Здравствуй! Ну, по какой просьбе вы пришли?

– А мы пришли по этой просьбе. Распишись кровью, скажем.

Тут же чорт расписался опять.

– Вот, – говорит, – покажи нам кумову кровать.

Чорт и говорит:

– Вы, – говорит, – меня подвели...

Опять на этом костре раскалёна висит борона, зубьями кверху, раскалёна,
и по этой бороне кататся рабёнок, восьмимесяшный возраст. Вишиит недурми-
ной! (Ну, зубья-то раскалёны). Страшно глядеть! Оне ему и говорят:

– Закрой скорей, не могём глядеть – страшно!

Ну вот, нагледелись и пошли. Приходят оне в эту пешиеру, их опять деви-
ца спрашивает:

– Ну, что вы там видали?

– Ой, как мы, – говорит, – чаво видали! За этим чертенок-то и отдал рос-
пись ту. Вон как страшно! Раскалёна борона висит, над пылом и над жаром и по
этой бороне, по раскалённым зубам кататся рабёнок восьмимесяшный, вишиит
недурминой.

Она, девица, и говорит:

– Это твоя душа всю... без конца будет кататься по этим зубьям по рас-
калённым.

Он и не опаматовался, чародей энтот.

– Чо, – говорит, – плохо?

– Очень, – говорит, – плохо.

А девица говорит:

– Согласен ты – могём это выключить?

Он и говорит:

– Согласен я.

Ну вот. И оне его привязали к берёзе, на сорок дней, на шесть недель, и день, и ночь. [Этого парня? – Не парня, этого чародея: яво душа-то кататса. – А чародей – это кто? – А чародей – чортов помощник, он чорту... он за этим к яму и ходит, он чорту помощник. А парень уж не чо. Парню душу выключили, он теперь не участвоват.*] И парень яму есть носил, этому чародею. Нельзя было к яму подотти. Из яво ползли и мыши, и крысы, и всяка тварь из яво ползли. Яму только парень давал пишицу, на граблях подавал: нельзя было подотти. И сорок дней, сорок ночей он был привязанной к берёзе. Кода прошло это шесть недель, оне яво пошли брать. А он тиу-уть-тиутуть стоит. Итвязали яво, ну и вот, спрашивают яво:

– Ну, а как, чо с тобой было?

Он и говорит:

– Как мне стяс хорошо. – (Худой, тощой). – Я сейчас и свет вижу, и на меня никакой тоски нет. Я сейчас всем рад. И что со мной было, вам расскажу. Я блявал, блявал, блявал, – он говорит, – и так мне плохо было, а на сороковой день (сорок дней он был привязанной) подошёл старичок. <...> И причастил яво этот старичок. И он яво причастил. (Это душу возила в яво: он же чародеев помощник был! А это в яво возила яво душа). Как, – говорит, – он меня причастил, старичок, так, – говорит, – мне ляхко, так, – говорит, – мне радощно, как мне хорошо! (Больно обрадовался, что яво вывели от этих... Ну, чорту помогал, чародей).

Ну и пришли оне к этой девице. Он рад. И он отправился. Этот стал тут жить, с этой девицей, чародей. А он отправился домой.

Он отправился домой. Отец у яво умер. Мать ешо умерла при ём тогда, отец умер. Всяво у яво много, это всё отец, кода умирал, это всё яво добро осталось под яво подписано всё. И всё-таки яму не весело. Чо-то яво не радоват, яму так скушно. Всяво много, там у яво и лавочка, и денег много, всяво. А чорту опять охота яво смутить. Опять за своё чорт бярётса. Душу-то он выключил. А чорт сделалис двоими мальчишками. И дерутса у окошка. Чорт силен. Он опять хочет яво забрать к сее. Он глядит-глядит – один одного побеждат. Дерутса. Ему жалко стало. Они дерутса, он вышел, говорит: «Что вы дерётесь, чо вы делите? А рабяты эти двое говорят (а это не рабяты, чорт хочет опять смутить яво): «А у нас отец умирал, – три клада оставил нам: ковёр-самолётник, и дубиночка, и шапку-невидимку. Три вешии. И как нам делить: нас двое, и три вешии. Вот кому две вешии, а кому... мы и дерёмса. Как нам разделить?» Он и говорит: «Я вам разделю. Айдайте ко мне жить, со мной будете жить». (А это чорт подкапался под яво). И он их взял, оне стали с нём жить.

Вот. Так-то у яво всё много добра. Вот оне и говорят: «Будем жить, будем людей лечить. Давай, ты напиши на дверё, что – хороший врач, знающий, могёшь выличать всяки болезни. А кода мы к больному придём, нас не видют (оне два чертёнка), как мы встанем у главы, то ты говори «вылечу!» (Вылечит он как врач знающий). А если у ног встанем, то он умрёт». Ну и вот, и эдак лечили. Лечили знаменитых людей, много получали за их жалованья. И значитса, у царя заболела дочь. Ну, а раз царь их, раз обозначенный врач, призвали. Оне встали у главы. Не видют люди-то, что он-то видит. Он там дал ему, может, дал чо, водичкой её попил раз, а говорит: «вылечу!». Она выздоровет сама: у главы встали. Вылечили её, и царь этот отдал половину царства им.

А кода дочь выздоровела и говорит: «Отец, отец, следующишей я раз, если захвораю, не бери этих врачей. Эти были не врачи, а эти были нечиста сила. Я видала, больная, кода я была, у их – рога и хвосты. А следующишей я раз захвораю, не бери их». А вот тут она дальнейшее уж долго... Я тут уж всё забыла. Как

---

* Вопросы задает собирательница. Здесь и далее такие диалоги в тексте – вопросы собирателя и пояснения исполнителя – заключены в квадратные скобки.

оне яму сделают девицу, оне. Она будет тут яму готовить. Это было писано же. Это в книжках было писано. Она будет и готовить, только говорить не будет тут она...

Рассказ «Про Николая Угодника» был записан в 1990 г. О.С. Коваль в д. Федосьевка Купинского р-на Новосибирской области от Марии Васильевны Бельской (1905 г.р.). Легенда является вариантом сюжета «Крест (образ) – порука»: купец берет деньги в долг, выставляя поручителем крест или икону (АаTh 849*; СУС 849*: 14 русских вариантов, 9 украинских; 4 белорусских; примечательно, что в АаTh отмечены только русские варианты). Среди указанных СУС русских вариантов три сибирские записи, различные по месту и времени фиксации. Две из них относятся к началу прошлого века: одна – «Икона Микола» – записана А.А. Макаренко в Казачинской волости Енисейского у. Енисейской губ., другая – «Николай Чудотворец» – записана А.В. Адриановым от Палкина, уроженца Бийского у. Томской губ.; обе опубликованы [Записки, 1902, № 3, № 51]. Третья запись – «Про Василия и Марфу-царевну» – была сделана в начале 70-х годов XX в. в с. Красноярское Омского р-на Омской обл. от А.С. Кожемякиной (1888 г.р., уроженки с. Савиново Большеуковского р-на Омской обл.) [Кожемякина, 1973, с. 129-134].

Существуют две разновидности сюжета: одна – «брошенные в бочонке в воду деньги сами приплывают к заимодавцу», представленная, например, в варианте из собрания сказок А.Н. Афанасьева [Афанасьев. Сказки. Т. 3, № 450], другая – «купивший икону добывается счастья с помощью святого, на ней изображенного» (обычно, Николая Чудотворца), как в варианте из собрания легенд А.Н. Афанасьева [Афанасьев. Легенды, с. 78-81].

Отмечается тенденция к стабильности форм бытования этого сюжета на территории Сибири. Все известные сибирские записи сюжета, содержат только одну его разновидность – вторую, как и публикуемый нами архивный вариант. И, как и в других сибирских вариантах, сюжет «Образ порука» представлен здесь в комбинации с сюжетом волшебных сказок «Девушка, встающая из гроба» (СУС 307): по ночам пожирает людей, сторожащих ее; юноша разрушает колдовские чары и получает руку избавленной от чар девушки. Текстовое сравнение публикуемого варианта с известными ранее записями сюжета свидетельствует о хорошей сохранности фольклорной традиции.

Начало публикуемой легенды (окончание этого фрагмента отмечено косой чертой – /) приводится по тексту расшифровки, сделанной собирательницей (так как начало рассказа на магнитофонной ленте стерлось), остальная часть текста публикуется по выполненной нами расшифровке магнитофонной записи (ГАНО, ф. М.Н. Мельникова, Т. 630). О рассказчице известно, что отец ее был выходцем из Белоруссии (г. Минск), мать – украинка (из Воронежской обл.), этим объясняется смешение в речи исполнительницы черт южнорусского, украинского и белорусского говоров.

Про Николая Угодника

Один мужик бедный, а второй богатый. Бедный пошел к богатому, говорит: «Знаешь ты что, займи мне три рубля. Жить не на чем. Хочу посеять. Пришла весна, а у меня ничего. Возьму, – говорит, – и посею». – «Когда ж ты мне, – говорит, – отдашь?» – «Ну, когда-когда, осенью только отдам». А он и говорит: «Надо же чтобы кто-то в свидетелях был. Ну, кто свидетель?» – «Ну, вот стоит икона “Николай Угодник”». – «Ну, Николай Угодник, будь ты в свидетелях. Я вот три рубля ему занимаю, будь ты, Николай Угодник, в свидетелях, чтоб он через год отдал».

Прошел год. Неурожай, не уродило. / Пришёл к этому хозяину и говорит, что: «Не уродило ничо, не могу я три рубля тебе..., хлеба немножко уродило, он себе нужен, продать нечего». Он тогда и говорит, что ну... Ещё год прошёл, обратно нечего продать, обратно приходит к ему, три рубля... и обратно... Уже... это уже второй год. А он и говорит: «Ну, дак вот. Пошёл мужик, ну что ты с еѹ возьмешь, с бедного? Ничего нет. А ты, Николай Уродник, что стоишь?» Снял эту икону и понёс ѹ речку: «Утоплю!».

Пошёл к речке. А возле речки, там край ѹрода жила женицина бедная, вдова, которая ходила нищая, побиралась скрозь, просила милостиню ради Хрыста. Вот она... А еѹ мальчик ѹлял возле речки. А он и говорит: «Дяденька, а ты, – говорит, – что принёс?» говорит: «Николая Уродника, вот, – говорит, – в речке утоплю». – «Ты, – говорит, – отдай мне, дяденька». А он говорит: «Дак, дай три рубля – отдам. Мне, – говорит, – должен тот человек, а я, – говорит, – не могу с еѹ требовать. Дай мне три рубля, я тебе, – говорит, – отдам». Он: «Подожди, дяденька, не кидай в речку. Я пойду к маме». Он побег. Она – нищая. Все копейки собрала-собрала, точно набрала три рубля. Он эти деньѹи взял и понёс. Взял этот мальчик, отдал ему три рубля. Взял эту икону и принёс домой. А она рада, мать яѹ, поставила яе, платочком накрыла яе. Аѹа. Он пошёл обратно иѹрать. «Ну, во всех есть иконка в хате – Божий лик, а у нас нету, вот и у нас будет».

Аѹа. Приходит нищий и говорит мальчику: «Мальчик, пусти мне ночевать». А он говорит: «А я не знаю, как мама». Побег к маме: «Мама, – говорит, – к нам нищий просится ночавать». Она: «Ну, если молодой, так пусть идет ѹ ѹрод, а если старик, може слабый, так пусть ночует. Далёко идти ёму». Он пришёл. «Я тебе, пожалуйста – поночевать, а покормить у меня нечем». Он ей дал денеѹ и говорит: «Сходи купи хлебушка, купи там еишо что-нибудь заправить немножко, ну...» Пошла она, купила хлебушка, купила там маленько сала, ей там мяса маленько, сварила борщ иль суп. А он, этот дедушка и говорит ей: «Ты, – говорит, – никогда ѹсѹ не вари, немножко оставляй: немножко остаѹ пишена, немножко картошечки остаѹ, и мяска маленько оставляй». Утром ѹстала – обратно столько, она обратно сварила. И каждый день варит, и каждый день оставляют. И стилько уже старик месяц живет, уже второй, и всѹ за это и питается, и каждый день хватают у их. Большие не ходят покупать, а утром встанит – обратно столько сала.

Да. Он и говорит им: «У вас, у вашеѹ, – говорит, – отца: это вот мальчику отец, а тебе муж, – у еѹ есть браты». Она говорит: «Есть браты, оны очень боѹатые, аны купцы, ѹ ѹроды живут». Оны нас, – говорит, – и не..., отца, – говорит, – знали, теперь муж помер, а нас оны совсем и не знают». – «Ну, хотя и не знают, поедем мы, – он на этого мальчика, (а мальчик Коля был) – поедем, – говорит, – к им ѹ ѹости». Оны поехали. Поедем! Дедушка и этот мальчик, ѹзяли и поехали к им ѹ ѹости, к дядькам к еѹ. Приезжают, познакомились, объяснили, хто он такой, – племянник. Он, дядька, и говорит: «Я, – говорит, – тебе, знаешь, дам триста рублей. Едь ты к друѹому дядьку». Он поехал к второму, там поѹостил, и тот дал триста рублей. Поехал к третьему, и тот дал. Оне и ѹвораѹт, что «Ну, вот, теперь мы едем заѹраницу и заѹраницеѹ мы торѹуем. Несѹм цару подарки, а цар нам разрешаит купить, свои вещи продать, а их, заѹраницей купить, и отправляемся домой». Вот оне тогда: «И ты, – ѹвораѹт, – едь с нами». Он и ѹворит: «Ну как я поеду?» А этот дедушка и ѹворит, что: «И я с тобой поеду, не бойся, поедем вдвоѹм».

Поехали оны, заехали туда, заѹраницу. А это дядьки еѹ собираются идти, набрали хорошие подарки, там мехѹ хорошие понесли цару на подарок. А у этоѹ Коли чеѹ, нести нечеѹ с дедушкой. А он ѹворит: «Ну, а чо мы? Купым». Купили калачик хлеба, два яблочка на тарелочку положили, и оны идут туда. Этот

цар, вон поглядеф на их, поглядеф он ихнаи дорогия подарки – не взяф, а у этого мальчишку узяф подарок и забраф.

У цара была проклинённая дочка. Она зъедала каждую ночь человека, каждые сутки. А он и уоворит', этот цар. У ее там охрана большая, она была змейй там. Вот оны прыходют', он и уоворит', цар: «Вот, у мене есть такая, – говорит', – вот... Надо одному вам идти дежурить сѣдни. У меня вот такой-то пост есть». Он им не объяснил, кто он. «Старший, иди сѣдни». Пошоф старший. Старший задумав, уоворит': «Что ж мы сделали? Узяли этоуо мальчика, племянника. Видишь, ево подарки приняли, а нас – ны». Аны знали, что там змея изъедаитъ людей. А этот дедушка и уоровыт: «Коля! Ты, – уоворит', – иди за дядьку за своеуо. На табе, – уоворит', – вот эту книжечку, и на табе ножничек, и ты сам себе вот крууом обчерти, крууом ножиком подальше, и сиди книжечку читай, ни с места не шевелись».

Вот он прыйиёл сидыт, сам себе вокруг ножиком три раза обовел, сидыт читает. Она, как двенадцать часов, она с уробу поднялась, змея, и начала винтиться. Ей надо человека зъестъ, а она никак не может еуо взять. Она уоворит': «Подымись и сойди с места». А он не сходит'. Она летала-летала, петух запел, она – уоп и впала в уроб, и обратно леула, замёрла. Оттудова никоуда никто не выходюл, а этот мальчик постучаф в двери живой. Тут доложили цару: «Так живой он, – уоворят', – выйшоф. Такого, – уоворят', – ещё никоуда не было».

Вот на друую ночь уже второму дядьку надо идти. Он и за второго пошоф. Этот дедушка уоворыт: «Иди за второуо». Также само. И он обратно постучаф, живой. Доложили. А он на третью ночь, этот цар... этот дедушка уоворит' ему: «А теперь иди сам за себе. И купи, – уоворит', – мешок груш, и развяжи и постаф. Потому что она, – уоворит', – уже две ночи уолóдна, а на третью она обязательно должна съести коуо-то». Вон развизаф, сам себе обчертиф крууом и сидит' читает' эту... молитвенник. От она как взлетела, винтилась-винтилась, она уже уолодная, и напала на етыя уруши. И кода она их стала жрать, петух пропел. И она ожила, стала такой, как была у отца, красавицей, царица молодая, девочка. Вот, а... Он постучаф, утро уже, постучаф, – открыли двери, а оны двоя стоят'. Доложили цару: «Что ж такое, – уоворят', – дочка твоя ожила». Являются. Цар, прыехаф туда. Да, точно – живая. Он за их забраф. Ну, вот оне... Он и уоворит' яму: «Ну, раз ты мою дочку спас, я тебе половину своего царства отдаю». Он жену взяф, соуласи́лся.

А этот дед и уоворит', дедушка: «Николай, – уоворит', – знаешь что, что мы с тобой нажили́, давай мы разделим всё». А он уоворит': «Ну, давай». А он уоворыт: «Да, это мало, что мы с тобой разделим царство напола́м, дак вот жену надо нам разрубить напола́м твою». Взяли ие, позвали человека да разрубили. И трое суток оны ие в речке мочили, а потом он ие взяф и сложи́ф, этот дедушка. И она ожила, такая же самая, как была. Он уоворит': «Ну, вот. Мне теперь ни твоео хозяйства не надо, ни твоей жены не надо. Если б она с тобой жила, у ей кров-то бесиная, так, она б тебе все равно съела, а теперь живи, не бойся. Тебе твоя жена, тебе твое хозяйство. Вот это тыбе Николай Уюдник: ты спас... мне от воды, а я тебе спас от смерти».

Литература

Афанасьев. Легенды – Народные русские легенды А.Н. Афанасьева / Подг. к изд., вступ. статья, коммент. В.С. Кузнецовой. Новосибирск, 1990.

Афанасьев. Сказки – Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В 3 т. / Изд. подг. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков. М., 1984-1986.

Записки, 1902 – Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Им-

ператорского Русского Географического Общества по этнографии. Т. 1. Вып. 1: Русские сказки и песни в Сибири и другие материалы. Красноярск, 1902.

Кожемякина, 1973 – Сибирские сказки. Записаны И.С. Коровкиным от А.С. Кожемякиной / Ред. Н.А. Каргаполов. Новосибирск, 1973.

Кузнецова В.С. Легенда о явлении иконы святой Параскевы Пятницы в русской сибирской записи // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 4. С. 74-77.

Кузнецова В.С. Фольклорные легенды на библейские сюжеты из собрания Государственного архива Новосибирской области // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 4. С. 71-76.

Ончуков, 1996 – Заветные сказки из собрания Н.Е. Ончукова / Изд. подг. В.И. Еремина, В.И. Жекулина. М., 1996.

Ончуков, 2000 – Неизданные сказки из собрания Н.Е. Ончукова (тавдинские, шокшозерские и самарские сказки) / Подг. текстов: В.И. Жекулина; вступ. ст., комм.: В.И. Еремина. СПб., 2000.

СУС – Сравнительный Указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л., 1979.

AaTh – The Types of the Folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's 'Verzeichnis der Märchentypen' translated and enlarged by Stith Thompson. Second revision. Helsinki, 1964.